

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

UDC 165.5
LBC 87.22

Submitted: 06.03.2023
Accepted: 26.06.2023

MOTIVATED IGNORANCE AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY: THEORETICAL AND PRACTICAL POTENTIAL¹

Anastasia V. Golubinskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the consequential model of ignorance as an epistemic state of a non-expert subject. Ignorance remains one of the least developed and ambiguous categories in contemporary philosophy and theory of knowledge. Nevertheless, motivated ignorance as one of its forms can be found everywhere in everyday life, in particular, in healthcare, consumer behavior, political preferences, and most often in legal conceptions. Generalization of life situations of motivated ignorance makes it possible to detect its manifestations as a cognitive and socially determined phenomenon. The cognitive manifestation of motivated ignorance refers to the peculiarities of experiencing situations of uncertainty, the social one – to the consequences that come as a result of accepting the knowledge. The latter follows from philosophy of law and doctrine of ignorance and specifically intentional ignorance motivated by an attempt to manage risks. Combining the experience of philosophical and legal research of ignorance with agnotology, i.e. the study of the social production of ignorance, and the epistemology of ignorance, which examines the factors of distribution of knowledge in the social system, we find that in this case ignorance is not the absence of knowledge or the lack of process of cognition per se, but the conclusion of causal reasoning about the interaction with the social environment, the result of which is the onset of undesirable consequences. The research shows that the ignorance motivation can be determined by pragmatically, existentially, altruistically, doxastically justified statements that the subject adheres to, as well as the subjects desire to choose the simplest ways to solve problems. The article notes the perspective in which such studies of ignorance seem to be an effective way to deepen our understanding of the factors of acceptance of scientific knowledge by non-expert people, in particular the need to resist the strengthening of anti-scientific beliefs in society.

Key words: uncertainty, ignorance, motivated ignorance, intentional ignorance, unavoidable ignorance, agnotology, epistemology of ignorance, anti-scientific beliefs.

Citation. Golubinskaya A.V. Motivated Ignorance as a Philosophical Category: Theoretical and Practical Potential. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 22-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

УДК 165.5
ББК 87.22

Дата поступления статьи: 06.03.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

МОТИВИРОВАННОЕ НЕЗНАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Анастасия Валерьевна Голубинская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию консеквенциональной модели незнания как эпистемического состояния неэкспертного субъекта. Незнание остается одной из самых наименее разработанных и неоднозначных категорий современной философии и теории познания. Тем не менее мотивированное незнание как одна из его форм встречается повсеместно в повседневной жизни, в частности в здравоохранении, потребительском поведении, политических предпочтениях, наиболее часто – в праве. Обобщение жизненных ситуаций мотивированного незнания позволяет обнаружить его проявления как когнитивно и социально детерминированного явления. Когнитивное проявление мотивированного незнания заключается в

особенностях переживания ситуаций неопределенности, а социальное – в последствиях, которые наступают в результате знания. Последнее следует из философско-правовой доктрины незнания, а именно умышленного незнания, мотивированного попыткой управления рисками. Объединяя опыт философско-правового исследования незнания с агнотологией, то есть учением о социальном производстве незнания, и эпистемологией незнания, исследующей факторы дистрибуции знания в социальной системе, мы обнаруживаем, что в данном случае незнание – это не отсутствие знания или процесса познания как такового, а вывод причинно-следственного рассуждения о таком взаимодействии с социальной средой, результатом которого является наступление нежелательных последствий. Показано, что в качестве мотивации могут выступать прагматически, экзистенциально, альтруистически, доксистически обоснованные утверждения, которых придерживается субъект, а также стремление к выбору наиболее простых путей решения задач. В статье отмечена перспектива, в которой подобные исследования незнания кажутся эффективным способом углубления нашего понимания факторов принятия научного знания обывателями, а именно потребность в противостоянии укреплению антинаучных убеждений в обществе.

Ключевые слова: неопределенность, незнание, мотивированное незнание, умышленное незнание, неизбежное незнание, агнотология, эпистемология незнания, антинаучные убеждения.

Цитирование. Голубинская А. В. Мотивированное незнание как философская категория: теоретический и практический потенциал // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 22–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

Традиционно человек представляется искателем правды по своей природе. Научное и философское познание основаны именно на этом свойстве нашей культуры и на способности человека отличать истинное от ложного, сомневаться в достоверности имеющихся убеждений, подвергать суждения о мире критическому анализу, искать и находить ошибки в своих рассуждениях. Охота за истиной объединяет древних мудрецов и современных ученых, восточные и западные цивилизации, а также научные и ненаучные формы познания. Человека, имеющего доказательства против адекватности своих выводов, но продолжающего придерживаться их, даже представить непросто. В период модерна стремление охватить человеческим умом весь мир, его законы и закономерности казалось универсальным ориентиром для любого из людей. Ф. Бэкон описывал концепцию «идолов познания» как систему ошибок, препятствий на пути к истине, как ту часть природы, которую необходимо победить, преодолеть. Однако, с развитием когнитивных наук и концепций неэкспертной рациональности (например, таких как психоэпистемология [Campbell 2020], персональная [Hofer 2008] и фолк-эпистемология [Gerken 2017]) приписывание научных критериев познания обыденному мышлению стало казаться высокопарным. Сегодня вполне естественными кажутся вопросы о том, как именно человек распоряжается знанием, каковы психологические механизмы принятия знания, его обо-

снования. Признавая, что знание является одной из высших ценностей человеческой культуры, можем ли мы сказать, что знание является безусловной ценностью для каждого отдельного взятого человека?

Рассмотрим один кейс. В 1973 году в США проходили судебные слушания по делу об использовании подслушивающих устройств в президентской гонке Р. Никсона и Дж. Макговерна («Уотергейтский скандал»). Исследование [Sweeney, Gruber 1984] трех социальных групп, – сторонников Никсона, сторонников Макговерна и неопределившихся избирателей, – показало, что сторонники Никсона уделяли меньше внимания слушаниям и были менее осведомлены по сравнению со сторонниками Макговерна и неопределившимися избирателями. Психологи обнаружили [Sweeney et al. 2010], что сторонники Никсона избегали информации, которая могла бы показать, что предпочитаемый ими политик участвовал в незаконных действиях и получил кресло президента недобросовестным путем. Представить себя на месте сторонников Никсона не трудно, поскольку избегание свидетельств, указывающих на необходимость пересмотреть свои взгляды, встречается повсеместно: чем больше симптомов указывает на наличие болезни, тем больше оказывается желание человека оставаться в неведении о результатах теста на наличие заболевания [Oster, Shoulson, Dorsey 2013], или чем выше ощущение вины за неправильное питание, тем больше желание

не узнавать калорийность блюда [Thunström 2016]. Люди часто не хотят знать, что кто-то другой получил более выгодную сделку по недавней дорогой покупке [Vohs, Baumeister, Chin 2007], узнавать пол ребенка до рождения [Gigerenzer, Garcia-Retamero 2017], предпочитают игнорировать свидетельства, дискредитирующие близкого человека [Simpson, Ickes, Blackstone 1995] и вообще всего, что может повлечь переживание негативных эмоций [Wilson et al. 2005]. Это только некоторые из огромного числа иллюстраций, которые опровергают, казалось бы, очевидное предположение, что вероятность получить потенциально полезную информацию влечет желание ее получить, и подтверждают, что в определенных условиях люди оказываются гораздо более мотивированными на незнание, даже имея доступ к релевантной для их убеждений информации, чем на знание.

Что говорит по этому поводу современная теория познания?

На протяжении долгого времени незнание оставалось «странной» и «неинтересной» проблемой философии. Несколько десятилетий назад историк науки из Стэнфордского университета Роберт Проктор предложил термин «агнотология» [Proctor, Schiebinger 2008] для исследования социального неприятия научных фактов о вреде табака и уловок, совершенных табачной индустрией в поддержку неопределенности вокруг вполне однозначных, но коммерчески невыгодных результатов научных исследований. Сегодня же утверждение о том, что незнание может быть рукотворным, что за ним могут стоять политические, экономические, производственные интересы вряд ли способно кого-либо удивить, а идея о том, что незнание может быть активной конструкцией в системе общественных отношений, применима не только для анализа рынка.

Несмотря на то, что формулировка «эпистемология незнания» выглядит оксюморон, литература по этому вопросу довольно обширна. У Л. Алькофф (Городской университет Нью-Йорка, США) «эпистемология незнания» – это проблема групповой идентичности угнетенных слоев населения [Alcoff 2007], у Э. Малевски и Н. Джарамилло (Государственный университет Кеннесо, США) – «исследовательская платформа, которая куль-

тивирует работу по деколонизации, продвигаемую критикой западной метафизики» [Malewski, Jaramillo 2011], которая создается для поддержки сохранения социального статуса [Malewski, Jaramillo 2011], у Ч. Миллса (Городской университет Нью-Йорка, США) и ряда основанных на его теории работ – элемент «расового договора» [Mills 1997]; предметом исследований «эпистемологии незнания» обозначаются то, как незнание активно конструируется и поддерживается в целях эксплуатации, как оно спонсируется и регулируется [Brandt 1998], используется сознательно или невольно для искажения, подавления или сокрытия знаний [O’Neil 2016]. Заметно, что речь идет ни о чем ином, как о социальных отношениях, о циркуляции информации в социальных группах и мотивированном невежестве как особом эпистемическом состоянии.

И агнотология, и «эпистемология невежества» указывают на то, что если мы каким-то образом можем включить незнание в эпистемологию, то сделать это возможно через социально-эпистемологические проекты: незнание – это один из способов существования отношений между человеком и знанием, который детерминируется не только когнитивной деятельностью субъекта (не знать, потому что не понимать, не иметь доступа, забыть), но и социальными факторами, возникающими как следствие особенностей процессов производства, трансляции, принятия знания обществом и конкретным субъектом социальных отношений.

Вернемся к упомянутым примерам объектов современных исследований незнания (нежелание знать пол ребенка, калорийность блюда, исход сделки, свидетельства против близких и пр.). Они собраны из самых разных источников: семья, политические убеждения, здравоохранение, питание, потребительские предпочтения. Однако, их объединяет две специфические характеристики. Первая, которую можно отнести к когнитивным особенностям переживания мотивированного незнания, – это неопределенность. Само по себе переживание неопределенности, за исключением игровых практик, является в некотором смысле травмирующим опытом. Э. Остер, И. Шаулсон и Э. Дорси [Oster, Shoulson, Dorsey 2013] показывают, что количество меняющихся

жизнь неопределенностей будет абсолютно разным для человека до того, как он узнал, что имеет высокий риск опасного (неизлечимого) заболевания, и после. Так, устранение одного вида незнания (о наличии заболевания) влечет принятие большего количества незнаний (о том, как организовать жизнь, преодолеть стресс, финансировать лечение или принять невозможность его получения). Незнание становится не отсутствием знания, а формой неэкспертной рациональности: затраты на приобретение знаний перевешивают выгоды от их обладания [Williams 2021]. Мотивированное незнание сторонников Никсона из приведенного ранее кейса тоже в некотором смысле рационально: для отдельных избирателей от изучения политической информации не так много пользы, сколько от чувства сохранения социальной общности с единомышленниками [Somini 2021]. Необычность примера с заболеванием, напротив, заключается в том, как через мотивированное незнание субъект защищает те знания, которые ему необходимы для сохранения психического или даже эпистемического благополучия (в смысле – способности продолжать верить в те убеждения, на которых базируется вся деятельность человека).

Затем, все упомянутые случаи объединены общим мотивом, который имеет уже не столько когнитивное, сколько социальное происхождение, а именно – попыткой управлять последствиями, наступающими от получения того или иного знания. Однако здесь необходимо добавить замечание об объективности этих последствий, и целесообразно применить социологическую теорему Томаса, согласно которой анализу подлежит не то, что реально, а то, что субъект полагает реальным. Таким образом, социальным фактором мотивированного незнания является избегание как действительно вероятных или неминуемых последствий, так и последствий, которые субъект полагал таковыми.

Виды мотивированного незнания можно классифицировать, опираясь на специфику нежелательных последствий. Анализ литературы позволяет предложить по меньшей мере пять таких классов. Первый – это прагматически обоснованное незнание, которое связано с избеганием необходимости выполнять какие-либо нежелательные действия или уве-

личивать нагрузку (к примеру, умышленно оставаться в неведении относительно новых правил, чтобы не переделывать работу, сделанную по старым правилам). Вторым классом можно назвать экзистенциальным, чтобы описать случаи избегания переживания неопределенности, изменить которую человек не в силах (например, предпочтение незнания о наличии неизлечимого заболевания знанию о нем или нежелание отслеживать новости о катастрофах, военных конфликтах, трагедиях). Можно выделить альтруистически обоснованное незнание, связанное с неизбежностью причинения вреда близким людям в случае получения избегаемой информации (например, игнорирование свидетельств, дискредитирующих близкого человека). Четвертый класс – это доксистически обоснованное избегание знания, которое отражается в нежелании человека пересматривать имеющиеся убеждения и перестраивать сложившуюся картину мира (например, игнорирование опровержения теорий учеными, чье исследование зависит от истинности этих самых теорий, или нежелание сторонников Никсона знакомиться с информацией, раскрывающего предпочитаемого ими политического кандидата в неприятном свете). В конце концов, примеры указывают на существование еще одного класса, – маргинально обоснованного незнания, поддерживаемого неготовностью упустить возможность получить нечто желаемое более простым путем (например, нежелание знать, откуда приятель принес коробку с ноутбуками, один из которых хочет подарить вам в подарок, когда все указывает на то, что техника была украдена, – об этом примере см. далее). Все эти измерения мотивированного невежества указывают на то, что сами мотивы могут быть различными, эгоистическими или альтруистическими, инструментальными и прагматическими, а незнание способно выражать определенную рациональность, а не необученность, как это обычно полагается.

Пример с подарком мы позаимствовали из доктрины умышленного незнания философа права А. Сарча (Университет Суррей, Великобритания): «Перед вами появляется ваш друг детства и говорит, что хочет сделать вам подарок на память в виде новой модели ноутбука. Его машина набита коробками с элект-

роникой, и вы подозреваете, что он, возможно, приобрел их не самым честным путем. Ваш друг начинает рассказывать вам сложную историю о том, откуда она взялась, но вы прерываете его, говоря: «Нет, не рассказывай мне, я не хочу знать». Вы с радостью соглашаетесь с уже услышанным, думая, что, поскольку вы не знаете, что он украден, вы имеете защиту, если власти проведут расследование» [Sarch 2018]. Данным примером А. Сарч решает важную задачу, а именно – разграничение тех форм незнания, которые являются неизбежными, от тех, которые являются умышленными. Если в первом случае субъект уверен, что сделал все, что было в его силах, чтобы остаться добросовестным гражданином, то во втором случае субъект умышленно останавливает сбор свидетельств о преступности планируемых действий, хотя осознает, что дополнительные свидетельства могут быть получены, и продолжает действовать так, как будто сделал все, что было в его силах. В экономике это обстоятельство иногда описывается понятием «равновесие незнания», под ним понимаются методы принятия решений агентов, которые не очень альтруистичны, но заботятся о том, как их представляют другие [Grossman, Van Der Wee 2017]. Незнание в данном случае служит для того, чтобы скрыть выбор, который субъект сделал бы в такой среде, и может быть использовано для получения более благоприятного распределения ресурсов, что касается как конструктивных социальных практик вроде торговой игры, так и деструктивных, в том числе мошенничества. Можно отметить, что в правовой системе США преступления, основанные на умышленном незнании, ведут к таким наказаниям, как если бы субъект обладал знаниями, то есть доктрина исходит из тезиса о равной виновности знания и умышленного незнания и о возможности вменять недостающие психические состояния обвиняемым [Sarch 2019]. Этот тезис отражен, например, в решении по делу «Соединенные Штаты против Брэндона» (1994), или по делу «Соединенные Штаты против Габриэле» (1995). Последнее, помимо прочего, устанавливает условия для квалификации умышленного незнания: ответчик заявляет об отсутствии знаний и доказательства подтвержда-

ют вывод о том, что обвиняемый предпринял преднамеренные действия, чтобы формально не узнать об этом факте.

Для сравнения уместно привести и другой пример. В 1980-х годах Падуанский пре-тор обратился в суд с просьбой пересмотреть наказание Марина Джачинто, обвиненного в использовании радиоприемников и игровых автоматов в своем баре без лицензии, поскольку в данном случае обвиняемый добросовестно полагал, что лицензия не была необходима. Нарушение, убеждал он, произошло из неясности уголовного закона и отсутствия конкретной возможности узнать его, и незнание Джачинто было неизбежным. Из-за отсутствия литературы, за исключением описания данных событий в Постановлении Конституционного Суда Италии от 24.03.1988 № 364, где статья 5 была частично признана нелегитимной, разобраться в обстоятельствах дела затруднительно, однако, концепция неизбежного незнания с отсылкой к этому постановлению (под сокращенным наименованием 364/1988) до сих пор встречается в аналитических документах по уголовному законодательству. Под «неизбежным незнанием» подразумеваются ситуации исключительного невежества, в которой оказывается субъект, например, когда отсутствует условие приобретения знания, или когда существует настолько серьезная неясность законодательного текста, что невозможно понять его обязательный объем, или в присутствии «крайне хаотической интерпретирующей позиции судебных органов» (см. официальные комментарии к толкованию статьи 5 Уголовного кодекса Италии). Философы Р. Чуни и Дж. Тузет (Университет Боккони, Италия), предложившие вариант философского анализа юридической концепции неизбежного незнания, убеждены, что понятие неизбежности, представленное в решении 364/1988, является эпистемологическим понятием [Tuzet, Ciuni 2021, 4]. Оно указывает на четыре условия: 1) субъект придерживается ложного мнения о норме; 2) субъект проверил все доказательства, которые мог; 3) доказательства, которые субъект получил или предполагал, что они уже получены, подтвердили ложное убеждение; 4) субъект был рационален в принятии доказательств, и последние заслужили доверия.

Попробуем по аналогии вынести на обсуждение описание умышленного незнания: 1) субъект осознает наличие доступа к информации, потенциально значимой для его убеждений и действий; 2) субъект полагает, что осведомлен о последствиях, возникающих в результате получения этой информации; 3) эти последствия определены им как нежелательные; 4) субъект предпочитает избегать данную информацию.

Теперь, опираясь на данную структуру, становится возможным вывести рассматриваемую форму незнания на более общий уровень. К примеру, незнанием долгосрочных последствий клонирования человека, страхом непредсказуемости этих последствий руководствуется запрет на соответствующие эксперименты. Если выше были рассмотрены те примеры консеквенциональной модели незнания, которые были построены на идее стремления агнотологического субъекта уйти от предвидимого вреда, то данный пример имеет свойство предупреждения вреда, спектр которого предвидеть сложно. В этом смысле консеквенциональная модель незнания, предлагаемая в данной статье, – это модель рисков. Для У. Бека управление риском означало сделать непредсказуемые последствия решений предсказуемыми и контролируруемыми: «из-за наших прошлых решений об атомной энергии и наших нынешних решений об использовании генетических технологий, генетики человека, нанотехнологий и компьютерных наук мы вызываем непредсказуемые, неконтролируемые, фактически даже некоммуникабельные последствия, которые угрожают жизни на земле» [Beck 2003, 257]. Известный вопрос о том, должен ли инженер нести моральную ответственность за изобретение оружие массового поражения, также наглядно иллюстрирует эту идею.

Подведем итог. Социальные факторы, связанные с тем, как существует знание в обществе, сегодня составляют один из главных интересов философии. Однако, точно так же как специфика научного познания обнаруживается через его сравнение с ненаучными формами, исследовать знание можно и через «обратные стороны», в том числе через незнание. Тот факт, что состояние незнания имеет символическое содержание (социальный характер) и разные формы указывают на то, что подобные исследования в принципе воз-

можны. Имеют ли они прикладной потенциал? Мы полагаем, что да. Одна из актуальных на сегодняшний день проблем, в рамках которой подобный анализ позволил бы нам уточнить социальный характер научного знания, – это «климатический скептицизм». Со стороны кажется, что с учетом рисков, которые несет изменение климата относительно благополучия планеты, хватило бы согласия и половины климатологов, чтобы ограничить выбросы парниковых газов. Однако, на деле почти единогласный консенсус экспертов сопровождается мотивированным незнанием и безразличием к научному факту в неэкспертных сообществах [Bowden, Nyberg, Wright 2021]. Это говорит об одном: по некоторым причинам то, что артикулируется активистами антинаучных убеждений, – это именно то, что обычные люди больше всего хотят услышать, поскольку несогласие с учеными позволяет проигнорировать необходимость масштабных изменений, возможных экономических жертв и отказ от привычного материального комфорта современного человека. В этих обстоятельствах, а также с учетом роста дезинформации и кризиса доверия между экспертным и неэкспертным сообществами, игнорировать незнание как часть современной познавательной культуры – это практически объявлять капитуляцию перед невежеством. Способен ли философский анализ незнания противостоять этим процессам? На сегодняшний день отвечать на этот вопрос преждевременно, однако, очевидно, что разработка новых исследовательских перспектив способствует поиску необходимых решений, вместе с тем помогая нам углубить наше понимание проблемы и раскрыть новые особенности циркуляции научного знания в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021-2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alcoff 2007 – *Alcoff L.M.* Epistemologies of Ignorance: Three Types // *Race and Epistemologies of Ignorance*. N. Y.: Suny Press, 2007. P. 39–58.
- Beck 2003 – *Beck U.* The Silence of Words: On Terror and War // *Security Dialogue*. 2003. Vol. 34, № 3. P. 255–267.
- Bowden, Nyberg, Wright 2021 – *Bowden V., Nyberg D., Wright C.* “I Don’t Think Anybody Really Knows”: Constructing Reflexive Ignorance in Climate Change Adaptation // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72, № 2. P. 397–411. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12818>
- Brandt 1998 – *Brandt D.* Sponsors of Literacy // *College Composition and Communication*. 1998. Vol. 49, № 2. P. 165–185.
- Campbell 2020 – *Campbell R.L.* Something That Used to Be Objectivism: Barbara Brandens Psycho-Epistemology // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2020. Vol. 20, № 2. P. 301–327. DOI: <https://doi.org/10.5325/jayrandstud.20.2.0301>
- Gerken 2017 – *Gerken M.* On Folk Epistemology: How We Think and Talk About Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Gigerenzer, Garcia-Retamero 2017 – *Gigerenzer G., Garcia-Retamero R.* Cassandras Regret: The Psychology of Not Wanting to Know // *Psychological Review*. 2017. Vol. 124, № 2. P. 179–196. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000055>
- Grossman, Van Der Weele 2017 – *Grossman Z., Van Der Weele J.J.* Self-Image and Willful Ignorance in Social Decisions // *Journal of the European Economic Association*. 2017. Vol. 15, № 1. P. 173–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeaa/jvw001>
- Hofer 2008 – *Hofer B.K.* Personal Epistemology and Culture // *Knowing, Knowledge and Beliefs*. Berlin: Springer: Dordrecht, 2008. P. 3–22.
- Malewski, Jaramillo 2011 – *Malewski E., Jaramillo N.* Epistemologies of Ignorance in Education. Charlotte: Information Age Publishing Inc., 2011.
- Mills 1997 – *Mills C.* The Racial Contract. N. Y.: Cornell University Press, 1997.
- O’Neil 2016 – *O’Neil C.* Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. N. Y.: Crown Publishers, 2016.
- Oster, Shoulson, Dorsey 2013 – *Oster E., Shoulson I., Dorsey E.* Optimal Expectations and Limited Medical Testing: Evidence from Huntington Disease // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103, № 2. P. 804–830. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.2.804>
- Proctor, Schiebinger 2008 – *Proctor R.N., Schiebinger L.* Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance. Redwood City: Stanford University Press, 2008.
- Sarch 2018 – *Sarch A.* Willful Ignorance in Law and Morality // *Philosophy Compass*. 2018. Vol. 13, № 5. Art. e12490. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12490>
- Sarch 2019 – *Sarch A.* Criminally Ignorant: Why the Law Pretends We Know what We Don’t. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Somin 2021 – *Somin I.* Is Political Ignorance Rational? // *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Abingdon: Routledge, 2021. P. 241–252.
- Simpson, Ickes, Blackstone 1995 – *Simpson J.A., Ickes W., Blackstone T.* When the Head Protects the Heart: Empathic Accuracy in Dating Relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, № 4. P. 629–641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.629>
- Sweeney, Gruber 1984 – *Sweeney P.D., Gruber K.L.* Selective Exposure: Voter Information Preferences and the Watergate Affair // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46, № 6. P. 1208–1221. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1208>
- Sweeny et al. 2010 – *Sweeny K., Melnyk D., Miller W., Shepperd J.A.* Information Avoidance: Who, What, When, and Why // *Review of General Psychology*. 2010. Vol. 14, № 4. P. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021288>
- Thunström et al. 2016 – *Thunstrom, L., Nordstrom, J., Shogren J.F., Ehmke M., Veld van’t K.* Strategic Self-Ignorance // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2016. Vol. 52, № 2. P. 117–136. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-016-9236-9>
- Tuzet, Ciuni 2021 – *Tuzet G., Ciuni R.* Inevitable Ignorance as a Standard for Excusability: An Epistemological Analysis // *Synthese*. 2021. Vol. 198, № 6. P. 5047–5066. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02388-2>
- Vohs, Baumeister, Chin 2007 – *Vohs K.D., Baumeister R.F., Chin J.* Feeling Duped: Emotional, Motivational, and Cognitive Aspects of Being Exploited by Others // *Review of General Psychology*. 2007. Vol. 11, № 2. P. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.2.127>

- Williams 2021 – *Williams D.* Motivated Ignorance, Rationality, and Democratic Politics // *Synthese*. 2021. Vol. 198, № 8. P. 7807–7827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02549-8>
- Wilson et al. 2005 – *Wilson T.D., Centerbar D.B., Kermer D.A., Gilbert D.T.* The Pleasures of Uncertainty: Prolonging Positive Moods in Ways People Do Not Anticipate // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. P. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.5>

REFERENCES

- Alcoff L.M., 2007. Epistemologies of Ignorance: Three Types. *Race and Epistemologies of Ignorance*. New York, Suny Press, pp. 39-58.
- Beck U., 2003. The Silence of Words: On Terror and War. *Security Dialogue*, vol. 34, no. 3, pp. 255-267.
- Bowden V., Nyberg D., Wright C., 2021. “I don’t Think Anybody Really Knows”: Constructing Reflexive Ignorance in Climate Change Adaptation. *The British Journal of Sociology*, vol. 72, no. 2, pp. 397-411. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12818>
- Brandt D., 1998. Sponsors of Literacy. *College Composition and Communication*, vol. 49, no. 2, pp. 165-185.
- Campbell R.L. 2020. Something That Used to Be Objectivism: Barbara Brandens Psycho-Epistemology. *The Journal of Ayn Rand Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 301-327. DOI: <https://doi.org/10.5325/jayrandstud.20.2.0301>
- Gerken M. 2017. *On Folk Epistemology: How We Think and Talk About Knowledge*. Oxford, Oxford University Press.
- Gigerenzer G., Garcia-Retamero R., 2017. Cassandras Regret: The Psychology of Not Wanting to Know. *Psychological Review*, vol. 124, no. 2, pp. 179-196. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000055>
- Grossman Z., Van Der Weele J.J., 2017. Self-Image and Willful Ignorance in Social Decisions. *Journal of the European Economic Association*, vol. 15, no. 1, pp. 173-217. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeaa/jvw001>
- Hofer B.K., 2008. Personal Epistemology and Culture. *Knowing, Knowledge and Beliefs*. Berlin, Springer, Dordrecht, pp. 3-22.
- Malewski E., Jaramillo N., 2011. *Epistemologies of Ignorance in Education*. Charlotte, Information Age Publishing Inc.
- Mills C., 1997. *The Racial Contract*. New York, Cornell University Press.
- O’Neil C., 2016. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York, Crown Publishers.
- Oster E., Shoulson I., Dorsey E., 2013. Optimal Expectations and Limited Medical Testing: Evidence from Huntington Disease. *American Economic Review*, vol. 103, no. 2, pp. 804-830. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.2.804>
- Proctor R.N., Schiebinger L., 2008. *Agnology: The Making and Unmaking of Ignorance*. Redwood City, Stanford University Press.
- Sarch A., 2018. Willful Ignorance in Law and Morality. *Philosophy Compass*, vol. 13, no. 5, art. e12490. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12490>
- Sarch A., 2019. *Criminally Ignorant: Why the Law Pretends We Know what We Don’t*. Oxford, Oxford University Press.
- Somin I. 2021. Is Political Ignorance Rational? *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Abingdon, Routledge, pp. 241-252.
- Simpson J.A., Ickes W., Blackstone T. 1955. When the Head Protects the Heart: Empathic Accuracy in Dating Relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 69, no. 4, pp. 629-641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.629>
- Sweeney P.D., Gruber K.L., 1984. Selective Exposure: Voter Information Preferences and the Watergate Affair. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 46, no. 6, pp. 1208-1221. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1208>
- Sweeney K., Melnyk D., Miller W., Shepperd J.A., 2010. Information Avoidance: Who, What, When, and Why. *Review of General Psychology*, vol. 14, no. 4, pp. 340-353. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021288>
- Thunstrom, L., Nordstrom, J., Shogren J.F., Ehmke M., Veld van’t K., 2016. Strategic Self-Ignorance. *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 52, no. 2, pp. 117-136. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-016-9236-9>
- Tuzet G., Ciuni R., 2021. Inevitable Ignorance as a Standard for Excusability: An Epistemological Analysis. *Synthese*, vol. 198, no. 6, pp. 5047-5066. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02388-2>
- Vohs K.D., Baumeister R.F., Chin J., 2007. Feeling Duped: Emotional, Motivational, and Cognitive Aspects of Being Exploited by Others. *Review of General Psychology*, vol. 11, no. 2, pp. 127-141. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.2.127>
- Williams D., 2021. Motivated Ignorance, Rationality, and Democratic Politics. *Synthese*, vol. 198, no. 8, pp. 7807-7827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02549-8>
- Wilson T.D., Centerbar D.B., Kermer D.A., Gilbert D.T., 2005. The Pleasures of Uncertainty: Prolonging Positive Moods in Ways People Do Not Anticipate. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, pp. 5-21. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.5>

Information About the Author

Anastasia V. Golubinskaya, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Researcher, Laboratory of Social Anthropology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Голубинская, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, научный сотрудник лаборатории социальной антропологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>